

Отец, сын и дух святой

В Москве сыграна последняя
и самая забубенная премьера уходящего сезона

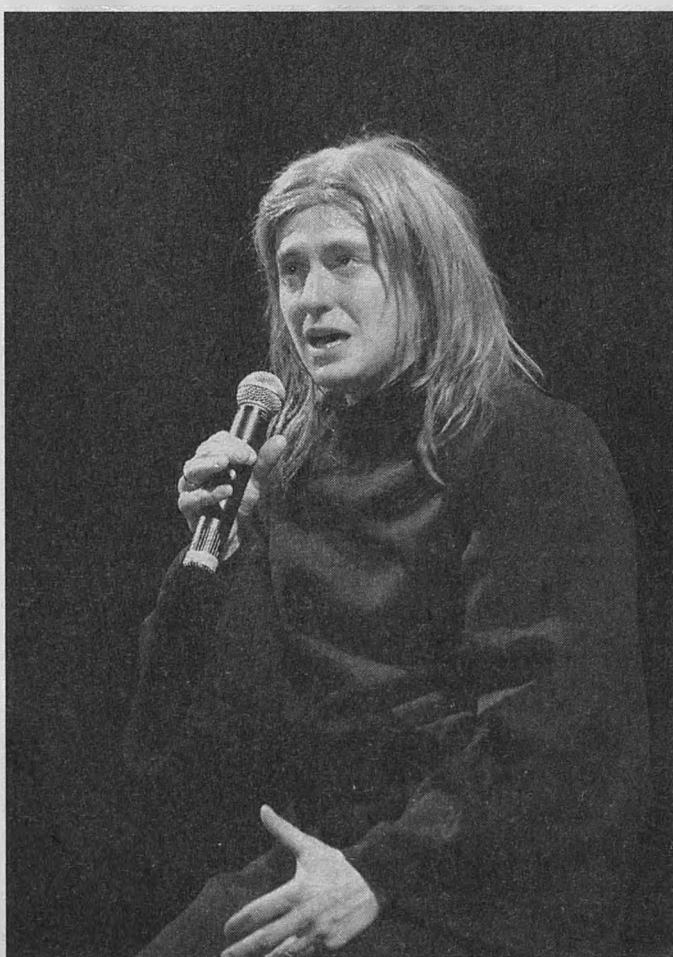
Елена ЯМПОЛЬСКАЯ,
«Новые Известия»

«Ведьма», поставленная Безруковым-старшим для Безрукова-младшего в антрепризе «Арт-партнер XXI», превзошла все ожидания, обскакала все предвкушения и переглупила все чаяния. Теперь, постфактум, смешно даже вспоминать свои скромные, робкие надежды: мол, «Ведьма» — очаровательный рассказ, из него может получиться хороший, серьезный драматический спектакль... Не надо скромничать! «Ведьма» — великолепный товар для всеохватного провинциального «чеса». В том смысле, что Тамбов такого не видывал.

Вместо серьезного спектакля Безруковыми, оказывается, затевалась «хохмодрама». Взамен же собственно «Ведьмы» публике предложено ассорти из нескольких чеховских вещей, причем каждая вещьца использована фрагментарно: то есть сюжетная линия, завязавшись по-чеховски, развязывается по-безруковски, потом плавно (а чаще — скачком) перетекает в линию следующую, не имеющую к предыдущей ни малейшего отношения, и так далее и тому подобное. Рассказов и повестей я насчитала как минимум восемь: «Огни», «Канитель», «Хирургия», «Живой товар», «Благодарный», «Который из трех», возможно, еще «Отрава» (откуда появились имена героев — Петр Петрович и Любочка). Пара-тройка мною, наверняка, пропущена: Чехов явно спасовал перед бойким языком и драматургическими построениями Безрукова-старшего. Не вольно думаешь: может, действительно классик писал про раздел имущества и жен бизнесменов, может, это его рефлексировать перу принадлежат фразы типа: «Ленка — голая коленка», «отец Никодим отпустит грехи по знакомству», «если я тебя еще раз увижу с этим козлом...». Вполне вероятно, вот она, неведомая до сих пор вершина чеховского диалога: «Что-то мне внутри нехорошо... — А что у тебя внутри может быть хорошего?». При этом к каждому слову прибавляется «чай»: «помогите, чай; не заперто, чай; чай так не бывает». Прямо какая-то чайная церемония. Персонаж женского пола, она же Ведьма, она же Любочка, ни разу не сказала «их», но исключительно — «ихний». Видимо, чтобы, упаси боже, не оторваться от родных корней.

Легкость мыслей у новоявленного режиссера Виталия Безрукова поистине необыкновенная. Никто никогда не вводил Чехова так далеко от Чехова, а уведя, не бросал его посередине чистого поля, будто ненужную поклажу, чтобы мчаться дальше налегке, закусив удила собственной безграничной фантазии. Где не хватает текста, как вы уже поняли, сцена дописывается своими словами; где маловато сущальности, ее добавляют из личных закровов; где слабоват кажется чеховский юмор, скатываются до уровня КВН (выучка Театра Сатиры дает себя знать). Если не устраивает финал, всегда находится на ходу сочиненная альтернатива — «Унесенные ветром» и «Скарлетт» в одном флаконе. Все вместе хитро называется «по мотивам произведений А.П. Чехова». К мотивам какие могут быть претензии? Вы слышали Карузо? — Нет, не мне напел Рабинович...

У Чехова все герои разные, иногда до полного антагонизма; у Безрукова — три основных исполнителя, три неизменных персонажа: дьячок, его сексуально озабоченная жена и ее светский соблазнитель, и хоть кол на голове теши, но именно эта троица, вопреки многочисленным противопоставлениям, должна вписаться в ткань абсолютно различных чеховских историй. У многострадального Антона Павловича полно произведений о священнослужителях, но они почему-то проигнориро-

В финале дьячок отравится мышьяком.
Новые Известия - 2006 - 24 июля - с. 7

...а Любочка родит ребенка не известно от кого.

ваны; зато в поле зрения Безруковых попали рассказы, где ни дьячков, ни прочих особ духовного звания нет и быть не может. Кого бы, впрочем, это смутило...

В подобной ситуации актеры, разумеется, не знают, как им играть, и выезжают на всем, что подвернется.

Безруков (подрясник, длинные русые патлы на прямой пробор) сначала нарочно принимает идиотскую мину и дурачки подхихикивает; примерно с третьей сцены начинает «окасть», но вскоре бросает эту привычку; внезапно ударяется в проникновенный пафос и столь же внезапно выпадает из него в клоунаду; если надо подпустить драматизма, кривит лицо и вопит что есть мочи и при этом наперекор всякой логике не перестает широко улыбаться, «торгую» красивыми зубами.

Ведьма (Дарья Фекленко) — особа вполне бесцветная, к тому же заимствована для чеховского спектакля у Гоголя. Эта

Панночка действительно умеет нагонять и успокаивать непогоду, а значит, муж ее, дьячок, в здоровом уме, и сюжет перевернут с ног на голову, и «мотивы» обретают характер бреда.

Хороший актер Андрей Ильин (Ананьев), невеста зачем попавший на ярмарку фамильного безруковского тщеславия, старательно комикует, дурно танцует, упорно и методично тискается груди Панночки, то бишь Ведьмы, угощает ее шампанским в пластиковом бокале, а ближе к финалу изображает голубого. Я-то удивилась странно-му видению в антракте: двое доволно-таки корявых однополых молодых людей нежно обнимались перед зеркалом. Думала — глюки от жары начинаются, но нет — все в порядке. Гомики ведь, давно замечено, просто так в театр не ходят, они ходят целево — на «своих» посмтреть и заодно, ладно уж, себя показать... Чеховым, пусть даже «мотивами», здесь, разумеется, и не пахнет; Ильин наигрывает,

как талантливый участник студенческой самодеятельности, жеманничает, выгибается, тянет слова на высоких, капризных нотах; у зала все это имеет успех бешеный, поскольку в России, слава богу, ни над кем не смеются так громко и охотно, как над голубыми. В целом получается зрелище абсолютно и стопроцентно позорное. Человека хотя бы с минимальными зачатками вкуса может просто стошнить.

«Ведьма» есть собрание всевозможных болезненных комплексов. Они торчат из каждой сцены, словно заячьи уши из цилиндра фокусника. Дедушка Фрейд получил бы от этой премьеры глубокое естествоиспытательское удовольствие: здесь несколько раз в весьма натуралистической манере имитируется половой акт; дьячок порет жену, разложив ее поперек лавки, а потом садится в стоматологическое кресло, словно в гинекологическое; Любочка с размаху бьет Ананьева ногой в причинное место, и дальше Ильин таскается от кулисы к кулисе, скрючившись; а буквально минут через пять его пострадавшее мужское имущество из всех сил сжимает рукой дьячок. Служитель культа, так сказать.

Кульминацией сексуального и юмористического разгула, безусловно, следует считать следующий эпизод. Любочка начинает нежно поглаживать мужу внутреннюю сторону бедра... и пробираясь все выше и выше... и вдруг замирает... словно громом пораженная... наткнувшись на мощную, вождьенную преграду... «Ого!» — только и способна выдохнуть счастливая женщина. «Не «ого», а ключ от собора!» — возвращает ее с небес на землю скучный муж и уходит в глухую пургу собирать пожертвования на храм.

Как только очередной кусок действия выдыхается и призывает спектаклю долго жить (а «Ведьме», и правда, нет ни конца ни края), Безруков-младший направляется к авансцене, берет заботливо приготовленный микрофон и начинает исполнять «зонги по мотивам песнопений иеромонаха Романа». (Без мотивов никуда.) Поет он плохо, да и тексты вроде «положу псалтырь на аналой», учитывая вышеописанное, обретают подозрительный, не вполне пристойный оттенок. В целом, надо сказать, гибрид православия (иконки, свечи, душеспасительное морализаторство) с буйной простонародной эротикой создает эффект совершенно дикий.

Каждый, кто пришел на «Ведьму», может приобрести в фойе не только программку, но и буклет, посвященный жизни и творчеству Сергея Безрукова. Задняя обложка буклета украшена собственноручным Сережиным стихотворением. Что-то такое: «И знаю я, мне суждено согреть...». Пожилые капельднерши умиляются: «Солнышко наше...».

Що це за напасть? — спросите вы.

Це — басковщина.

Сергей Безруков — это Николай Басков, но только в камерном масштабе.

Кто превратил молодого, так много поначалу обещавшего актера в смешного маленького кумирчика, кто запустил его недогнущей рукой по дешевым антрепризам и вбил столько самодовольства в наивную юную голову?

Увы, кажется, это сделал Безруков-старший.

Ибо Безруков-старший — верующий человек. Он истово и фанатично верует в бесспорную, великолепную, гениальную непогрешимость собственного сына. Конечно, всякий родитель любит собственное чадо, однако не всякая любовь во благо. Особенно если дитя не в состоянии критически оглядеть себя со стороны и вежливо, но твердо сказать заботливому папе: «Извини, я сам». А ведь пора бы уже. Совсем большой мальчик...